

Monstrum

«...подобное существо людям следовало бы задушить еще в колыбели»
Фридрих Шиллер

Отзвуки сказанных слов едва успевают смолкнуть у него в ушах, как левая рука его, словно бы обретя свободную волю, избавившись от пут разума, молниеносно взмывает вверх; проворным движением пальцы крепко-накрепко впиваются ей в горло. Ладонью он ощущает теплую нежную плоть; чувствует, как под действием адреналина учащается пульсация крови в артериях и венах, и как судорожно дергается гортань. Дальше – шаг вперед, подобно маневру в каком-нибудь незамысловатом танце, и вес всего тела вкладывается в это больше импульсивное, нежели обдуманное движение; вкладывается в руку, намертво стиснувшую хрупкую девичью шею; вкладывается в конечный толчок. Слуха достигает глухой шлепок – столкновение ее затылка с бетонной стеной. Жуткий звук, коробящий самое сознание и вместе с тем божественной музыкой улаживающий его измаявшуюся душу; впитываемый, словно вода губкой, его столь долго сдерживаемой и наконец вырвавшейся на свободу яростью. Ее шелковистые волосы густо взметаются, как если бы от шального порыва ветра, и до его ноздрей долетает едва уловимый аромат ее тела, манящий фимиам ее пота и духов, вперемешку с пробудившимся ужасом и... самодовольным упоением, даже преклонением... но перед чем?.. Зрачки ее глаз расширяются, повинувшись нахлынувшей боли; нижняя губа отвисает, на секунду обнажая молочного цвета зубы, а лицо бледнеет. Он видит все это – неустанно выхватывая отдельные фрагменты реальности, обрабатывая их и укладывая в копилку памяти; все его рецепторы ныне доведены до предела, настолько, что он способен сосчитать каждую пору ее кожи, всякий отдельно взятый волосок. Он чувствует, как непроизвольно сжимается кулак свободной руки, и высвобожденное на доли секунды воображение начинает плести жуткий, а вместе с тем и томительно манящий узор того, что случится дальше – удар, еще один и еще. По этой огорошенной физиономии – снова, снова и снова. Он услышит карканье воронья в парке, не нарушаемое хрустом ломаемого носового хряща, и болтовню посетителей в кафе, не прерываемую скрежетом выбиваемых с корнем зубов; он увидит паутину с раздувшимся крестовиком в углу, четкую симметрию которой не затмит блеск кровавой слюны на подбородке. И все это он запомнит. Одного мимолетного взгляда, брошенного через плечо, будет достаточно, чтобы обнаружить в паре метров от себя двух застывших в ужасе, а при этом и зачарованных творящимся действием парней; они не в силах отвести глаз; они ничего не предпримут – так и будут стоять и глупо пялиться. Яркой вспышкой на задворках сознания пронесется мысль: а ведь никто ничего не предпримет, никто не вмешается, но многие постараются как можно скорее убраться прочь, – такова человеческая натура. Понимание, занозой засевшее в голове: пока все не кончится, никто не придет ей на помощь. Воображение же невозмутимо плетет свой кошмарный узор дальше, и постепенно разворачивается следующая картина: кулак разжимается и ладонь ныряет в карман – за ножом-бабочкой; незатейливое движение кистью и обнажается лезвие, – озорные лучи пляшут на хромированном металле. Между делом еще один фрагмент – костяшки пальцев содраны до крови. Левая рука по-прежнему стискивает ей шею; вязкие капли чужой крови у основания большого пальца. И снова удар – ножом, в горло, чуть ниже уха, вспарывая пухлую внутреннюю яремную вену. Тягучая горячая струя брызжет из

образовавшейся раны; откуда-то из-за спины прилетает вопль. Но даже теперь никто не придет бедняжке на помощь. Никто, никогда! Еще удар – в грудь, туда, где расположено сердце. Вот оно и разбилось... Сдавленный вздох: ее вялая попытка закричать оканчивается неудачей – лишь хрип, да алая пена со свистом пузырится на лопнувших от побоев губах. Кровь толчками выплескивается наружу; белая футболка уже вовсе не белая. Но и это еще не конец. Остался последний удар – поступок больше символический: своеобразное наказание за все, что было, за все, что она сделала. Шаг вперед, и остро заточенный металл вонзается ей парой сантиметров ниже пупка, насквозь прошивает заполненный после выпитого пива мочевой пузырь, проходит сквозь эластичные слои брюшины и достигает полости матки. Его сосредоточенное лицо оказывается строго напротив ее лица. И глядя ей прямо в глаза, равнодушно наблюдая за тем, как жизнь стремительно покидает ее тело, он несколько раз проворачивает лезвие внутри нее, резко выдергивает, отпускает ее шею и делает шаг назад, невозмутимо следя за тем, как безвольным мешком она сползает на землю.

Все это в доли секунды проносится перед его мысленным взором – действия столь желанные, столь правильные, способные унять его гнев, сполна оплатить причиненную обиду, – но вот уже он видит ее глаза, залитые вязкой патокой боли; видит, как упоение его бешенством в них сменяется холодным презрением, обидой, ненавистью... Перепуганный, он поспешно отступает. Ведь он едва не сорвался! Он едва не утратил контроль над собой! Он... он...

1 Он

Быстрым шагом сквозь калейдоскоп окружающего мира – это бесконечное чередование разных по насыщенности образов, густых мазков цвета и едва уловимых бликов света, а то и вовсе роящихся мельчайших деталей реальности, наслоений звуков и запахов – сквозь множество, составляющее единое, на первый взгляд лишенное какой-либо взаимосвязи, целое. Неисчислимы фрагменты мозаики мироздания – будь то шарканье стертых подошв или стаккато каблучков по растрескавшемуся от зноя асфальту, медленно погружающийся за крыши домов темно-желтый диск солнца или шлейф от самолета высоко в небе, блеклые эмоции на постных минах прохожих или же колыхание увядающих листьев, задетых робким ветром. Все это наполняет пространство вокруг, делая его осязаемым, привычным, таким родным. В центре же этого пространства – ее не менее родная фигура. Маша, как и все в этом мире, тоже состоит из отдельных элементов, благодаря которым определяются ее отличительные особенности, рождается уникальность. Взять, например, ее слегка сутуленную спину с проступающими сквозь ткань футболки лопатками или ее растрепанные, русые с оранжевыми переливами волосы, пружинистую и немного косолапую походку или украдкой брошенный в его сторону взгляд карих глаз. В данный момент взгляд этот полон бурлящей ненависти и липкого страха. Вместе с тем, затуманенный пульсирующей болью и постепенным осознанием произошедшего, он жжет, испепеляет.

– Да погоди же ты...

Он пытается ухватить ее за руку, но она не позволяет этого сделать, вырывается и кричит:

– Не прикасайся ко мне!

И вновь этот обжигающий взгляд.

– Это всего лишь слова, слова! – шипит Маша. – Какая ж ты сука!

Ответом на эту тираду становятся вспышки пламени где-то в груди, снопы искр в голове и волны жара, нарастающие, взвихривающиеся по спирали вдоль позвоночного столба; перед глазами все меркнет, – фрагменты, составляющие совершенно другую реальность, не материальную, но реальность человеческой психики.

– Слова? Ничего подобного! – пытаюсь совладать с новым приливом ярости, говорит он. – За этими словами стоят поступки, Маша. Эти слова наглядно отображают твое отношение.

– Да заткнись ты уже, – огрызается она, перебегая улицу.

– Маша, словами можно убить, а ты...

Она резко останавливается и поворачивается к нему, смотрит с нескрываемым презрением. Ее воспаленные от слез глаза напоминают глаза затравленного зверя – столь мало в них человеческого. Волосы ее взлохмачены, лицо покраснелось, а на пухлой нижней губе застыла капелька слюны.

– Да нет, ошибаешься! – Маша буквально выплевывает эту фразу ему в лицо. – Убивают как раз таки руками.

После, старательно растирая затылок, мчится дальше. Он следует за ней, прекрасно осознавая, что все так, как должно быть – это стандартный сценарий; иное развитие событий в сложившейся ситуации – во всей этой драме! – попросту не предусмотрено. В особенности, если отталкиваться от таких сложных и противоречивых субстанций, как характеры обоих участников. Все закономерно, кроме, пожалуй, того, что произошло. Само действие, породившее все ныне творящееся, вне пределов его понимания. Почему? Потому что он не ожидал от себя подобного поведения; оно явилось своего рода откровением для него, наглядно продемонстрировав, насколько плохо он себя знает. Иначе говоря – насколько серьезно он уязвим.

– Сильно болит?

– Отстань от меня!

И вновь брошенный через плечо взгляд.

– Обожди, дай куплю чего-нибудь холодного, приложишь...

– Валяй.

Он забегает в ближайший магазин и, копаясь в сумке в поисках денег, просит огромный брикет мороженого – из тех, что похолоднее да запечатано более-менее прочно. Когда выходит на улицу, Маша уже далеко. Нагнав ее, сконфуженно протягивает мороженое.

– Скажи, как себя чувствуешь?

– Хреново я себя чувствую, сучара, – огрызается Маша. – Хватит меня ерунду всякую спрашивать! Сам все отлично видишь.

Ее гнев есть следствие шока, его – задетого самолюбия. Ее гнев оправдан, его – нет. И тем не менее он ощущает, как злость медленно разрастается у него в груди, грозя с минуты на минуту вылиться в очередной неудержимый порыв – в нечто ужасное, хуже и страшнее, нежели то, что произошло. Он делает глубокий вдох, молча идет рядом, неустанно прокручивая в голове события минувшего часа.

«Какая банальная уязвимость! – раздраженно думает он. – Сколь тривиальная болевая точка, и как я только мог ее не заметить? Почему не принял во внимание? Почему позволил случиться всему этому?!» Ответ ему прекрасно известен – потому что недооценил Машу, ее влияние на него и ее стремление спровоцировать скандал. Фромм описывал такого рода поведение как невротическое нарушение в любви, обнаруживая причину в поступках родителей скандалиста, предпочитающих вместо ссор устанавливать режим холодной корректности. Подобная атмосфера в семье нередко приводит к тому, что повзрослевший

ребенок в своих отношениях с кем-либо рвется – сознательно или неосознанно – к ярко выраженной войне; так он избавляется от привитого с детства страха перед эмоциональной нейтральностью. Можно ли наложить эту модель на Машу? Он не знает, что творилось у нее в семье, но думает, что отчасти можно. Ведь были же прецеденты и раньше – так почему не учел их, не пресек сразу же, как понял, что назревает? Ведь Маша следовала хорошо отработанной и не единожды проверенной схеме – мог бы догадаться! Конечно, вряд ли она ожидала такого итога, но все же оправдать ее тем, что делала она все бессознательно, просто из ребячества – той глупой игривости, свойственной большинству неуверенных в себе девушек, почувствовавших свою власть над кем-либо, – никак нельзя. Вот она говорит, просто слова?

Слова!

Слова есть незыблемая часть этой многомерной мозаики, клей, которым скрепляются действия и противодействия, причинно-следственные связи между поступками и реакциями. А в данном случае, именно слова явились катализатором, всполошив былые обиды, невысказанные подозрения и неподтвержденные предположения. Нет, слова не столько расставили все по своим местам – хотя, куда уж более наглядно? – сколько пробудили эмоции, которых он так рьяно пытался избежать. В конечном счете не мешает вспомнить, что первородный грех начался со слов, сказанных лукавым змием простушке Еве.

– Может, такси вызвать?

– Сама доберусь, вали домой уже, или... куда ты там намеревался? У тебя ж вроде как друг приезжает!

– Бог с ним, с другом...

Маша больше не смотрит в его сторону. Стоит на остановке, приложив брикет мороженого к затылку, и, сосредоточенно вглядываясь вдаль, выискивает глазами маршрутку. Все остальное – переливы звуков и напластования запахов, пестрая паутина образов этого мира – отныне непримечательны; важна лишь единственная мысль, стальной занозой засевшая в сознании: Маша уезжает навсегда. И понимание этого пугает, на время перекрывая всполохи ярости в груди.

Он нервничает, так как ему неясны истинные причины такого страха. Он не в состоянии объяснить свою зависимость от Маши – девушки, пусть и симпатичной, но точно не наделенной яркой и запоминающейся красотой, не блещущей особым умом или какими бы то ни было талантами, вульгарной и не отличающейся особой преданностью или верностью; девушки, носящей в себе некую давнишнюю, затаенную обиду, разочарованной, с кучей комплексов и совершенно не доверяющей людям. И все же... она ему нужна. Не имея возможности логически обосновать свою необходимость в ней, он списывает это на некое сумеречное состояние сознания, на игру гормонов в организме или же адаптированную под среднюю полосу России одержимость – тот самый малайский амок, о котором в свое время писал Цвейг. Отчаявшийся, не в силах справиться с такой напастью, он даже готов признать это за пресловутую любовь (которую Стендаль в своем небезызвестном трактате именовал не иначе как жуткой болезнью). Любовь-страсть? Или, быть может, это всего-навсего проявление параноидной ревности? – довольно-таки распространенное психическое отклонение, которому свойственны как неконтролируемая агрессия, так и приступы обезоруживающей нежности, даже обожания. Но что бы это ни было, оно прочно сидит у него в голове, а потому такая простая и закономерная мысль – Маша уезжает навсегда – причиняет ему невыносимую боль.

Появляется маршрутка, и Маша, так ни разу и не обернувшись, забирается внутрь. Он колеблется лишь секунду, после чего бросается следом.

– И нахера ты мне здесь сдался? – рычит Маша. – Сказала же – проваливай! Сама как-нибудь доеду.

– Мало ли что, – оправдывается он. – Провожу тебя до дома...

Маша раздражается злобным лающим смехом.

– Да не трясись ты за свою шкуру! Не буду я на тебя заявки писать. Что хотела, то и получила. И даже больше.

– Маша...

– Нет, хватит! – Она демонстративно взмахивает рукой. – Больше я тебе ни слова не скажу. Наговорились уже. Пошел в жопу!

Отворачивается и смотрит в окно; по щекам ее струятся слезы, а брикет мороженого постепенно начинает таять, превращаясь в бесформенный ком. Маршрутка вздрагивает раз-другой, после чего неуверенно трогается с места. Пассажиры же бросают редкие пытливые взгляды в сторону Маши. И это тоже вполне закономерно – любопытство, интерес к драме, к трагедии, своеобразное преклонение перед бытовыми ужасами, выраженное в алчном созерцании, постижении грязи человеческой с безопасного расстояния.

Подходит кондуктор, и Маша начинает рыться в карманах в поисках мелочи – движения ее дерганы, губы плотно сжаты. Он расплачивается раньше, а когда кондуктор удаляется, слышит, как звякают о металлический пол две десятирублевые монетки – это Маша выбросила деньги. Жест исключительно театральный, но что поделаешь? Люди смотрят – кто со снисходительной усмешкой, кто растерянно, даже слегка напугано, кто украдкой, а кто и вовсе открыто тарачится, пытаясь вникнуть в суть происходящего. Он же, в свою очередь, раздраженно косится на них. Его нервируют их взгляды, и, будь такая возможность, он собственноручно бы вырезал всем присутствующим глаза – достойное наказание для зеваки, для целой толпы зевак, во все времена заполнявших площади с виселицами и гильотинами, сидящие и стоящие места перед аренами для гладиаторских боев, и даже обочины дороги на Голгофу.

Маша продолжает угрюмо молчать.

– Ответь, пожалуйста, – просит он, – кружится ли у тебя голова? Может, тошнит? Тебе к врачу надо...

Маша полностью игнорирует его просьбу, разглядывая сменяющуюся панораму города за окном. На остановке она отталкивает его в сторону, выскакивает из маршрутки и устремляется к ближайшему магазину. Брикет мороженого, к тому времени окончательно уже расплывшийся, летит на землю. Прохожие изредка оборачиваются, а толстая, чем-то напоминающая жабу продавщица за прилавком с нескрываемым интересом рассматривает зареванное Машино лицо, неодобрительно качает головой и пробивает на кассе бутылку минеральной воды и упаковку влажных салфеток.

На улице все так же молча Маша усаживается на скамью и приводит себя в порядок, потом достает телефон и пишет кому-то сообщение – Кире, наверное... Изредка всхлипывает.

– Поговори же со мной! – предпринимает он очередную попытку, но в ответ все та же тишина.

К этому времени ярость начинает стихать, и хотя Машино поведение по-прежнему не является для него чем-то немислимым – не наблюдается каких-либо неожиданных поворотов в этой заранее предсказанной и поэтапно расписанной ситуации, – он чувствует себя растеряно. Унять боль тоже не удастся. Единственный способ сделать это – переключиться на злость, что отнюдь не выход. Трудный выбор – либо страдать из-за того, что вот сейчас она добредет до подъезда и, так и не произнеся ни слова, хлопнет дверью, навсегда исчезнув из его жизни, либо же выпустить затаившихся внутри демонов, позволив

им свалить всю вину на Машу, сделав ее причиной всех бед, после чего... А что там после? Он не знает. То, что он знает, не имеет никакого отношения к действительности, ведь, согласно его представлениям, он способен контролировать ситуацию и влияние остальных людей на самого себя, а с другой стороны – достаточно взглянуть на Машу и вспомнить, какая огромная шишка назрела у нее на затылке, чтобы понять, насколько серьезно он заблуждается.

Маша поднимается со скамьи и, слегка пошатываясь, неторопливо идет в сторону своего дома. Салфетки она все извела, оттирая растекшуюся от слез тушь; полупустая бутылка воды также летит в кусты за ненадобностью.

– Маш, ну скажи хоть слово!

Маша тяжело вздыхает, оборачивается.

– А если не скажу, то что? Снова руки распускать начнешь?

– Не начну.

– Ну-ну, чего ж так? Вон, у тебя очень неплохо это получается – так что давай, не стесняйся.

– Маш...

– Чего? Может, тебе еще повод нужен? Так ты обращайся! Хочешь, снова доведу – для меня это раз плюнуть!

Она с прищуром смотрит на него, зло улыбается. И, как бы ему не было тошно такое принять, он верит ей, понимая, что она легко может осуществить свою угрозу. Она знает его слабые места и бить будет целенаправленно – с педантичностью и скрупулезностью хирурга, проводящего сложную операцию. Сейчас она способна на все. Самое ужасное, что, насколько ему известно, он тоже.

– Сходи к врачу, пожалуйста, – бормочет он, отгоняя надоедливых комаров.

– Ты тоже к нему сходи, – язвит Маша. – Тебе бы не помешало провериться у психиатра.

– Знаю, знаю... Но я это я, а сейчас речь о тебе. Так сходишь?

– Зачем?

– Маш, это все-таки голова, мало ли что...

– Так раньше думать надо было, а теперь смысла нет. Голова и голова, просплюсь, пройдет. В любом случае, до свадьбы все заживет, ха-ха!

Очередная недобрая усмешка.

– А если не заживет?

Маша ничего не отвечает, отворачивается, скользит равнодушным взглядом по исписанной всевозможными ругательствами подъездной двери.

– Значит, тебе с этим жить, – произносит она какое-то время спустя.

– Мне в любом случае с этим жить, – едва слышно отзывается он. – Ты была права там, ты – сильнее.

Маша внимательно глядит на него, фыркает, после чего сменяет гнев на милость:

– Все в порядке, я знаю, что ты не хотел. Так что ступай домой.

– Маша...

– Да чего тебе еще надо? Все! Поговорили, начудили, проехали. Я сама хороша, постаралась на славу.

Он смотрит на нее и видит, как ее губы складываются в глумливой, полной какого-то затаенного удовлетворения и даже самодовольства, ухмылке. Слепок реальности, который он переводит в еще один образ – фрагмент мозаики, составляющей самое существо Маши. Вырисовывается то, чего раньше он по каким-то причинам не замечал или не желал замечать, а именно – скрытая жестокость садиста. Ведь точно такая же ухмылка была у нее

за секунду до трагедии, в том миг, когда он схватил ее за горло, и до того, как с силой впечатал в стену. Померещилось, разве? А может... Возможно ли, что Маша предугадала его действия и даже ждала их? И не является ли ее ухмылка, как и все остальное, выражением на лице изувера-тирана, вышедшего победителем? Не является ли это проявлением чувства, вызванного одним-единственным фактором – успехом в войне и полным разгромом противника?

И тут ему открывается вся картина в целом; отдельные ее элементы – будь то слова, взгляды, жесты, эмоции – складываются в нужном порядке, и он видит сценарий, продуманный от начала и до конца. Нет ничего лишнего. Все так, как и должно было быть. Все так, как того жаждала Маша. Он не просто недооценил ее, но совершил чудовищную – даже роковую! – ошибку, восприняв ее, как кого-то другого, кого-то обычного, кем она никогда не являлась. Он не признал в ней схожее по духу и повадкам существо.

Он дергает головой, стараясь прогнать эти вздорные мысли, и растерянно смотрит на Машу.

– Спасибо, что проводил, – кидает она через плечо.

Ее пальцы цепляются за ручку подъездной двери, скрипят несмазанные петли, и Маша исчезает во мраке.

Какое-то время он просто стоит на месте, прислушиваясь к звукам ее шагов на лестнице и к тому, как натужно гудит лифт, – так до тех пор, пока все не смолкает. Затем достает сигарету и закуривает, дымом отпугивая вьющегося над головой комара. Вновь и вновь воскрешает он в памяти недавние события, тщетно пытаясь отыскать среди этих наслоений надуманных интерпретаций крупинцы истины. Слова, слова, слова – главным орудием были слова, с которыми Маша очень искусно обращалась, метко и безжалостно втыкая их одно за другим, словно иглы, ему в сердце – в ту точку, что и представляла собой его уязвимость. Он оказался уязвим в своей ревности. Ярость же стала лишь следствием, попыткой защититься от этих слов и того смысла, что они в себе несли. Но в основе всего скрывалась его... зависимость от Маши, чувства к ней?

Так ли это?

Он разворачивается и в постепенно сгущающихся сумерках неторопливо шагает в сторону остановки.

Ему не хочется думать о том, что он намеревался сотворить на самом деле – удар о стену и Машины ошарашенные глаза существенно скорректировали все последующие действия, вернув его в реальность и не позволив на миг восторжествовавшей свирепости довести начатое до конца.

Ему не хочется думать о крепко сжатом в тот момент кулаке, как и о том, насколько прочны Машины лицевые кости – сколько бы неистовых ударов она выдержала, прежде чем ее череп хрустнул, а из рваных ран брызнула кровь?

Но больше всего ему не хочется думать о ноже-бабочке, лежащем у него в кармане, как и о том, сколь упоительны были те картины, что рисовало его взбудораженное открывшимися на миг перспективами воображение...

Он вышвыривает окурок и тут же тянется за новой сигаретой.

Ему больше ни о чем не хочется думать, ведь мысли опасны, а он очень устал...

Действительно ли он любил ее? На самом деле на этот вопрос не существует точного ответа, так как ему всегда был чужд и малопонятен общепринятый смысл слова «любить»; истинное же значение этого слова не было известно никому. В чем суть этого странного

чувства? – нередко спрашивал он себя. В коварной игре обольстителя, теряющегося в созерцании собственной хитрости и надуманной эстетики своих манипуляций над невинным созданием, как то описано у Кьеркегора? Или же в раздражающих стенаниях Китса? В пафосном фатализме Вертера у Гёте, или же в мученическом самоотречении Гэтсби у Фицджеральда? А может-таки в абсолютизированном преклонении Данте, который во имя надуманной мечты отважился спуститься в самые недра ада? Так в чем?! Он не знал и был не в силах логически объяснить свое состояние, что, однако, не мешало ему неустанно воскрешать в памяти те сладострастные ночи, проведенные с ней наедине. Ночи, которые не сравнить со всеми остальными ночами в обществе других девушек. Ночи, когда удушливая, пронизанная запахом их соития – их всепоглощающей похоти – тьма клубилась под потолком, в то время как они делились друг с другом всевозможными безобидными секретами; ласкали друг друга; постигали друг друга. «Ein solches Wesen sollten die Menschen nicht um sich herum aufkommen lassen», – шептал он ей на ухо, кончиками пальцев теребя ее взбухшие соски, жадно сжимая ее упругие груди, распаяя ее и себя, вместе с тем ненавидя и обожая ее. И позже, одними своими прикосновениями доводя ее буквально до иступления, до неконтролируемой дрожи во всем теле и чувственных стонов – даже криков, – пугавших соседей и дворовых котов, он не мог избавиться от навязчивых мыслей об ее ужасающей пошлости, ее поражающем интеллектуальном убожестве, ее безответственности и трусости. Также он не мог перестать думать обо всех ее мужчинах. Он знал, что они есть – эти недалекие, измаявшиеся от половой истомы самцы, – так как она совсем не умела врать. И еще он понимал, что страсть полностью подчинила его, швырнув ей на растерзание. Незнакомый с такого рода ощущениями, никогда не испытывавший страха или душевной тоски, он самозабвенно отдавался этим новым чувствам, терпел их и упивался ими одновременно. Он любовался грядущей трагедией, как исключительным произведением искусства, не в силах отказаться от этой боли, желая узреть все до самого конца. И он знал, что ей тоже все это известно.

Что бы их ни соединило, оно не имело никакого отношения к любви, оно...

2 Оно

Чувство это сравнимо с шелковистой паутиной большого тропического паука – густо и прочно оплетает оно разум несчастного, полностью подчиняя его своей воле. Оно алогично, это чувство, асоциально и не поддается контролю, побуждая порой к самым невероятным и даже кошмарным поступкам. Оно делает человека слабым, хотя находятся те, кто принимают эту слабость за своего рода силу. Но... преступления на почве страсти – смех сквозь слезы или бытовое безумие? – не являются ли они следствием слабости, над которой невозможно возобладать? Да и что само по себе есть это пугающее чувство, как не безумие, одобренное обществом? Но безумие это несколько иного рода, нежели те, что лечат в клиниках под строгим надзором специалистов, – оно наделено способностью к мимикрии: к резким скачкам от негативного к позитивному и обратно. Некоторые склонны раскладывать это чувство на компоненты, именуя светлые его стороны романтикой или любовью, а темные – манией, одержимостью. И тем не менее, хотя оно и амбивалентно, оно довольно-таки цельное, в основе же его лежит сложный механизм защиты от одиночества. Не стоит, правда, умалять и его хороших качеств, которых, надо признать, здесь немало. Вероятней всего, именно благодаря этому некоторые градации данного сумасшествия называют великими, добрыми и прекрасными, даже возводят его в ранг искусства, пророча спасение мира и все в том же духе. Увы, как сказал поэт: «Amantes – amentes!» – и был прав,

ведь когда проявляются темные стороны сего чувства, человек зачастую не в состоянии противостоять им: он больше не руководит собой, подчиняясь своим боли и отчаянию. Борьба с этим крайне трудно, но можно – здесь все напрямую зависит от самого несчастного, его силы воли и способности контролировать себя. И, конечно же, – его желания излечиться.

Но что если чувство это, пусть и взаимное, внезапно возникшее и проявляющееся исключительно с темных сторон – этакое симбиотическое единство паразита и реципиента, садиста и мазохиста – крепко-накрепко связывает двух маньяков, чьи единственные устремления сводятся к причинению и получению боли от партнера? До каких пределов способны пойти они в той неизбежно грядущей борьбе, которую не в силах окажутся прекратить и из которой не в состоянии будут вырваться? Не имея возможности разорвать порочный круг, напрямую зависящие от тех страданий, что они причиняют и испытывают, эти вампиры могут даже не осознавать, что то, что сплело их воедино, есть не великое, доброе и прекрасное искусство, но нечто мерзкое и разрушительное. Иначе говоря, можно ли охарактеризовать их чувства по отношению друг к другу таким словом как – *monstrum*?

Действительно ли она любила его? На самом деле ответ на этот вопрос неважен, и даже больше – теряется сама суть вопроса, если учесть, что она давно уже перестала верить в любовь, как в нечто реально существующее. Быть может, когда-то она и жаждала любить и быть любимой, на манер большинства юных и не в меру сентиментальных девчушек в мельчайших подробностях воображая себе своего будущего избранника, свою вероятную семью, своих детей... Те времена давно миновали. Грубая реальность захватала ее идеализированные грезы грязными лапами дворового пацанья; зачеркнула пьяными случаями на задних сиденьях невероятного множества автомобилей, либо же на квартирах, где стены были желты от никотина, а на полу валялись пустые бутылки из-под дешевого алкоголя; выбила ругательствами и издевательским смехом тех подонков, что пользовались ею, а затем гнали прочь. Во всем этом – в бесчисленных клубах и смердящих вертепах, среди гнусных прозвищ типа «шмара», «блядь», «давалка» и прочее, – во всем этом не было места любви; ей нигде не было места. Поэтому, как следствие, со временем она пришла к мысли, что никакой любви и вовсе не существует. Симпатия? Возможно. Заинтересованность? Определенно, да. Остальное? – сила вождения и воля случая, маломальское доверие к человеку и более-менее подходящая обстановка, ну и, естественно, физическая сопоставимость. По этим критериям он вполне ей подходил, так сказать, удовлетворял ее скромным запросам. С ним она испытывала оргазм; ей нравилось его целовать; ее заводили его прикосновения – осторожные, пытливые, нежные... А еще она боялась его, так как чувствовала, что по другую сторону его пепельного цвета глаз скрывается нечто ей незнакомое, затаившееся до поры до времени, злобное, жуткое, неистовое, пока что лишь наблюдающее, но готовое с минуты на минуту пробудиться и дать о себе знать. Тем не менее этот страх не отталкивал ее, напротив, будучи не лишенным некоего природного магнетизма, он зачаровывал, – как если бы она являлась кроликом, на которого устремил свой гипнотический взгляд удав. Ее инстинкты подсказывали ей быть крайне осторожной, а в лучшем случае – спасаться бегством. Но, идя на поводу у своего любопытства и стремясь по натуре своей к подчинению, к преклонению перед доминирующей мужской силой, даже неосознанно она рвалась пробудить это кошмарное нечто, испытать вспыхнувшую ярость на самой себе. Не имея ни малейшего представления о том, что может произойти на самом деле, она была очарована лишь своими собственными

предположениями об этой звериной силе. И в то время как разум твердил ей одно, ее женская сущность требовала совершенно иного – настоящего взрыва, в эпицентре которого она бы очутилась, который смогла бы обуздать, и чем упивалась бы все последующие годы, как своей собственной победой.

И она знала, как этого добиться, ведь он собственноручно указал ей верное направление; своим поведением он дал ей подсказку, подтолкнул к действию. Она... она...

3

Она

Насколько она понимает, фундаментом для всех событий этого злополучного дня послужили две бутылки дешевого пива, предусмотрительно запрятанные на самых задворках старого бабушкиных времен холодильника, запрятанные сразу же за пакетами с прошлогодней едой и прочим хламом. И будь он трижды неладен, чертов алкоголь! В очередной раз зеленый змей обманул ее, не привнеся в ее жизнь ничего хорошего, кроме слез, обид и угрызений совести, – кроме мучительных воспоминаний, от которых хочется убежать, всячески спрятаться, а ведь сделать это не так-то просто. Увы, осознание всего этого приходит позже – глубокой ночью, когда все уже свершилось, и обратного пути нет. Изначально же были лишь пронизанные зимней стужей бутылки в холодильнике – не иначе как очередная заначка Карины, – ожидание грядущих со дня на день месячных, которые неизменно будут сопровождаться жуткой болью в животе и ломотой в суставах, да беспросветная тоска на рабочем месте...

Нагоняя невыносимую сонливость, в помещении офиса густыми волнами переливается духота; по оконному стеклу ползает одуревшая от жары толстая муха, а на лице то и дело проступает липкая испарина. Капли пота стекают по спине; интернет, как назло, постоянно глючит; оставшиеся же до закрытия часы тянутся несказанно медленно. В такой ситуации она недолго раздумывает над тем, стоит ли брать чужое, – холодное пиво манит, одним своим видом обещая чуть ли не райское блаженство.

– В противном случае, купит себе еще, – оправдывается, вспоминая Карину. – И так уже ни дня без бухла прожить не может!

С шипением откупорив пробку, она не без удовольствия осушает одну бутылку, затем принимается за вторую. Настроение значительно улучшается, в голове приятно шумит, а время вроде как даже изменяет свой ход – минуты ускоряются, и до конца рабочего дня остается всего ничего. Когда же звонит Кира, жизнь и вовсе кажется прекрасной. Договариваются встретиться, посидеть в каком-нибудь кафе, поесть роллы, поболтать о том о сем...

Из офиса выходит слегка пошатываясь – сказываются бессонная ночь и отсутствие нормального завтрака, а еще общая напряженность всей трудовой смены, лишь под конец выродившаяся в какое-то унылое бездействие. Уже будучи на остановке слышит трель мобильного – вот и Сашка нарисовался.

– Да, але?

– Привет, есть планы какие на ближайшие час-два?

С Сашкой пересекались парой дней ранее, и после того свидания у нее так и не прошла пусть и приятная, но местами раздражающе ноющая боль в пояснице, а еще слегка саднят стертые коленки. В целом, пока что, если так можно выразиться, она вполне сыта и Сашку видеть не особо желает. Хотя, с другой стороны, почему бы и нет?

– Ну-у, как бы с Кирой сейчас встречаемся, – произносит в трубку. – В пиццерию, наверное, пойдем, или в сушиную. Не решили еще. А что такое?

– Да у меня тут дружище из Москвы приезжает, время убить надо.

– Присоединяйся к нам, если хочешь.

Это ее вторая серьезная ошибка, которую, как и в случае с пивом, она понимает лишь позже ночью, без сна лежа в своей постели и мучаясь от тяжелых мыслей, пульсирующей в затылке боли и некой жуткой пустоты на сердце. Нет, не стоило ей звать Сашку в таком настроении, в каком она пребывала в тот момент, – довольно-таки гремучая смесь из нетрезвого раздолбайства, злой придирчивости и садистического любопытства. Поступи она иначе, возможно, все обошлось бы, но... действительно ли она желает вычеркнуть из памяти события минувшего дня?

Когда она видит Сашку на остановке – его вечно серьезную физиономию, внимательный и чего-то ищущий взгляд пепельно-серых глаз, надутую нижнюю губу, – то вдруг осознает, что ей страсть как хочется сказать ему какую-нибудь колкость, как-то поддеть его, а затем наблюдать, как он будет дергаться, извиваться, словно уж на сковородке, делая вид, будто ему плевать на ее слова. Правда заключается в том, что ему вовсе не плевать – и началось это уже очень давно. Поэтому, когда ей по той или иной причине требуется почувствовать или же просто проверить свою власть – даже свое превосходство! – над ним, она точно знает, что делать. Чуть позже, после неминуемой и вместе с тем вполне ожидаемой ругани, конечно же, возникнет неловкое чувство вины, которое она всячески постарается изгнать прочь, задушить размышлениями о том, что Сашка всенепременно сам виноват, раз позволяет ей так себя вести. В конечном счете это ведь он изменился, не она – так что с нее взятки гладки!

Первый сильный импульс подразнить Сашку ощущается уже после появления Киры – втроем они бредут по залитой послеобеденным солнцем улочке в направлении пиццерии, где повара не халтурят, а цены не кусаются. Не особо следя за нитью разговора – той праздной болтовней, которой люди предаются в предвкушении застолья, – она вдруг смотрит в сторону близлежащего парка, отыскивает глазами случайную одинокую скамейку и томно вздыхает – проделывает это чуть громче, нежели того требует ситуация.

– А у меня в этом районе друг живет, – как бы невзначай обращается к Кире, попутно скользнув взглядом по Сашке. – Нормальный такой парень. Мы тут однажды с подружкой гуляли, так он с приятелем к нам на тачке подкатил. Но повел себя правильно, цивилизованно, а не как гопник какой-то – остановился, вышел, предложил познакомиться. Так что вот... Сидели во-о-он на той скамейке, общались. С тех пор очень хорошо дружим, – акцент на последнее слово не напрасен – угодила-таки в яблочко! – лицо Сашки болезненно искажается, брови ползут вниз.

«Дурашка, – думает она. – И ведь клюнул!»

Тем не менее Сашка усердно изображает невозмутимость – как будто и не услышал он этого ее «дружим». Он рассеянно таращится на дом по правую руку от себя, задерживается взглядом на мемориальной табличке на стене, затем лезет в сумку за сигаретами. Ага, все ж занервничал! Кира же из деликатности молчит; девушка она неглупая, возможно даже, что чересчур правильная, и вступать в «семейные разборки» не собирается, предпочитая сохранять безопасный во всех смыслах нейтралитет.

– Рад, что у тебя хоть какие-то друзья есть, – не сдержавшись, бурчит Сашка. – Стало быть, не все так плохо.

– Еще бы! Естественно у меня есть друзья! Много друзей! Я ж не ты. Не... как ты там себя называешь?

– Социопат?

– Вот-вот.

Раздраженный, он отворачивается и выпускает в воздух ровное колечко сизого дыма, затем еще одно – так, что второе пролетает сквозь первое. Позер! Она же продолжает улыбаться, постепенно приходя к мысли, что такой безобидной шалостью ей себя не удовлетворить – нет, тут необходимо ввести тяжелую артиллерию, добавить огонька, так сказать. Некие обезличенные друзья не настолько злят Сашку, как, например, Паша из Питера, с которым познакомилась в Турции, или – кто там на очереди? – Виталья, Вася, Максим... В сложившейся ситуации – во всем этом клубке противоречий, что ныне представляют собой их отношения – ей даже нет надобности выскребать с задворок памяти своих бывших любовников. Она легко может насочинять уйму новых – придумать с десяток-другой вымышленных имен, и пусть Сашка себя изводит. В своей маниакальной ревности он не способен распознать ее ложь, не видит игры; дурачок все принимает за чистую монету. А дальше... – дальше начинается самое занятное, настоящее представление, в котором он, Сашка, ведет себя подобно маленькому избалованному мальчику – капризничает, дует, кричит и ногами топает. Так глупо! Эх, мужчины, самцы... детский сад, блин!

Она с трудом сдерживает язвительный смешок и тут же сосредотачивает все внимание на Кире – до поры до времени, естественно.

В пиццерии народу немного, и это несказанно радует. Воздух в зале прохладный, музыка ненавязчива и не долбит по ушам, а официантки вполне себе расторопны. Меню пестрит всевозможными яствами, но есть ей уже не особо хочется – в голове еще не улегся хмельной ветер, и она всерьез подумывает над тем, чтобы заказать бутылку-другую пива. Все ж конец трудового дня, можно и расслабиться.

– О, премудрые, несказанной красоты девы! – начинает кривляться Сашка. – Вы, кто познали сей грешный мир, прошу, ответьте, чем одинокий странник может утолить свой извечный голод?

– Сейчас чего-нибудь выберем, – отзывается она. – Ты у нас, кстати, сегодня за спонсора, не забыл?

– Хм... нехило я так подписался, да?

– А ты думал!

Инцидент с «другом» вроде бы как исчерпан, но так просто сдаваться она не намерена. Нет, то был лишь краткий пролог перед основным действием, и все самое интересное еще впереди – торопиться ведь особо некуда. Вот и поглядим между делом, насколько у Сашки хватит выдержки. Признаться, она понятия не имеет, зачем ей все это нужно – издеваться над Сашкой, снова и снова провоцируя его ревность всевозможными амурными байками. Наверное, просто ей это нравится – видеть, как он нервничает, как постепенно теряет самоконтроль; любоваться тем, как с его обычно невозмутимого лица постепенно сползает маска напускного равнодушия, и обнажается его истинное «я» – что-то дикое и злое, а вместе с тем перепуганное, отчаявшееся. Восхитительный контраст! Только так она может принять Сашку за... человека что ли, а не за какого-то бездушного робота, каковым он был с ней на протяжении довольно-таки долгого периода их знакомства – вплоть до того момента, пока не признался, что любит ее.

Любит?! Вот же взбрело ему в его дурную башку! Чего-чего, а такого поворота событий она никак не ожидала, и потребовалось для этого всего-навсего познакомиться с другим парнем да разок переспать с ним...

Мужичье!

Отчасти, возможно даже, что все ее игры и подтрунивания есть лишь своеобразная месть Сашке за его былую холодность, за то, что не принимал ее всерьез, – так ли это? А может, здесь примешано что-то еще? – нечто сродни любознательности проводящего

вивисекцию ученого. Ответ ей неизвестен, и она старается особо не думать об этом. Мысли – этот неиссякаемый поток то ли бреда, то ли откровений – всегда пугали ее. В идеале же ей просто хочется позитива, ярких красок в жизни, хороших эмоций и незабываемых впечатлений. Все что угодно, лишь бы не эта заплесневелая серость будней, в которой она постепенно утопает, словно в зловонном болоте. А если хороших эмоций не наблюдается, сгодятся ли пусть и сильные, но негативные эмоции? Действительно ли ей требуется выплеск, скандал, чтобы ощутить себя живой и нужной?

Как бы там ни было – по какой бы причине она себя так не вела: из мести Сашке за его равнодушие или же потому, что сама по себе такая, – она понимает, что от этого ей никуда уже не деться. За последние полгода слишком привыкла, пристрастилась, подселла на эту власть, словно на опасный наркотик. И что там будет дальше, одному богу известно.

Заказанную пиццу обещают принести в течение двадцати минут, пока же остается лишь ждать, перебрасываясь друг с дружкой ничего не значащими фразами. В присутствии Сашки особо и не пооткровенничаешь – Кира тоже чувствует это, – так что приходится подбирать нейтральные темы для разговора. И вот тут кроется главная загвоздка, ведь Сашка – как если бы он был существом принципиально иной породы – парит совершенно на другой высоте. О таких людях еще говорят, дескать, они на своей волне. Досужая болтовня Сашку мало заботит; он считает подобное проявлением мещанской глупости, пустой тратой времени и сил. Сам же предпочитает вдаваться в зубодробительные философские размышления, всюду выискивая некий глубинный смысл, проводя уму непостижимые параллели, подвергая услышанное или увиденное какому-то причудливому анализу, выстраивая вздорные причинно-следственные связи и прочее в том же духе. Иной раз ему удается обнаружить подобные закономерности – предугадать ход сюжета, как он это называет, – тогда он тут же спешит поделиться со всеми присутствующими своими невнятными теориями и предположениями, жаждет всякого обратить в свою веру, даже если никто толком не понимает, о чем конкретно идет речь. И если в самом начале их знакомства это пленяло – она была готова слушать его; пусть и тщетно, но все же пыталась постичь смысл им сказанного, – то теперь, напротив, его надменность и игра во всезнайку невыносимо раздражают. Если когда-то она, будь то сознательно или нет, сравнивала его со всеми своими друзьями и кавалерами, поражаясь, насколько разительно он от них отличается, то ныне ей стыдно за это. В отместку за подобный свой промах она всячески пытается сбить с него спесь, высмеять, унижить, либо же, за неимением лучшего, попросту отмахнуться от его слов, обозвав их чепухой.

Таково их с Сашкой типичное общение, и в этот раз, насколько она может судить, все будет проходить схожим образом. Правда, с участием Киры...

Пару минут за их столиком всеми оттенками нерешительности переливается выжидательное молчание: разговор определенно не клеится, а потому Сашка, демонстративно подавив зевок, принимается рыться в сумке и зачем-то вытаскивает потрепанного вида книгу.

– Ты чего это, читать тут собрался что ли?

– Да нет, ищу кое-что, – отнекивается Сашка, продолжая ковыряться в сумке.

– Можно? – спрашивает Кира, указывая на книгу.

– Ага, конечно.

– Интересная?

– Мне нравится.

Какое-то время Кира листает книгу, сосредоточенным взглядом скользя от одного предложения к другому, затем возвращает ее Сашке:

– Как-то сложно там все написано. Определенно не для меня. Да и... нынче такое никто уже не читает, наверное.

– Откровенно говоря, – хмурится он, – мне с большой колокольни фиолетово на тех, кто там чего не читает. Я читаю! А остальные, ну-у... ныне у нас ведь сложное не переваривают. Всем подавай чего попроще, попонятней. Примитив сделался повсеместной самоцелью, сложны лишь политика и финансовые махинации сильных мира сего.

– Если так рассуждать, тогда уж и политика с махинациями тоже примитивны, разве нет? – не отстаёт Кира.

– Отчасти, верно, отчасти, ошибочно, – менторским тоном вещает Сашка. – Смотри: примитив мы видим в том, что нам дозволено увидеть, так? То бишь нам оставляют определенный намек на свободную волю и прочее – исключительно для того, чтоб мы могли пораскинуть зачатками своих мозгов и начать плевать ядом; для того, чтоб могли отыскать себе врага в лице того или иного чиновника, этнической группы или религиозной общности, и всеми фибрами души возненавидеть его. И поскольку мы осознаем данного рода видимость – она примитивна. Я же имел в виду то, чего мы не видим и не понимаем, то, что от нас сокрыто и о чем мы даже не подозреваем. Иными словами – того самого суслика из «ДМБ», помнишь, которого не видно, но который есть.

– Суслика? А-а, кажется, до меня доходит. Тут, наверное, все уже от человека зависит. Этого твоего суслика можно не видеть, но суждено и увидеть всем – рано или поздно. Вопрос времени.

– С сусликом не все так просто. Понимаешь ли, пока его не видно – ты не можешь быть точно уверена, есть ли он на самом деле: тебе не известно, догадываешься ли ты о какой-нибудь хитрющей проделке того или иного политика, или же попросту сходишь с ума. Суслик как бы не существует, до тех пор, пока ты вживую его не увидишь. Это... натуральный суслик Шрёдингера, так что ли.

– Слушай, ты, суслик, блин, – вмешивается она, стрельнув в сторону Киры недовольным взглядом – и чего вдруг той вздумалось философствования разводить?! – Давай ты свои темы задвигать где-нибудь в другом месте будешь, хорошо? Мы сюда отдохнуть пришли, а не лекции слушать.

– Это еще не лекция, – снисходительно усмехается Сашка.

– Да насрать! Лучше погадаем, – предлагает она, выхватывая книгу у него из рук. – Кира, загадывай.

– Не-е, давай-ка ты первая.

– Хорошо. Значит, страница, м-м... 226-я, третий абзац снизу.

Кира сосредоточенно перебирает листы, находит нужное место и, слегка запинаясь, читает:

– Вот такое странное воспоминание...

– И что ты загадала? – интересуется Сашка.

Она лукаво улыбается, жеманно поводит плечами.

– Загадала, кем ты для меня будешь в будущем.

– Отличные перспективы.

– А с тобой, Санька, иначе нельзя. Уж привыкай, знать судьба у тебя такая.

– Хорошо. – Сашка забирает книгу у Киры. – Погадай теперь мне.

В этот момент приносят кружки, полные пива, и пару тарелок с салатом. Сообщают, что пицца прибудет с минуты на минуту. Сашка делает жадный глоток, затем еще один и еще. Подавив отрывку, он довольно вздыхает, наблюдая, как сидящая за соседним столиком девушка кокетливо и даже слегка вычурно, оттопырив мизинец, пьет кофе. Кира же сосредоточенно ковыряется в салате.

– Ну так что, Маша, погадаешь?
– Минутку, – отзывается она, отодвигая покрытую испариной кружку и тыльной стороной ладони вытирая губы, – говори.

– Страница 97-я, третий абзац сверху.

Она листает книгу, находит нужное место и произносит:

– Очень примитивно. – Затем настороженно смотрит на Сашку. – И чего ты там назагадывал?

– Кем ты для меня являешься сейчас, – самодовольно улыбается он.

– Ах, вон оно как, значит?! – Она швыряет ему книгу. – На, заberi. Смысла нет гадать по тому, что ты читаешь! Ты ж постоянно одну муру читаешь!

Кира оставляет салат в покое и удивленно смотрит на подругу, затем переводит напряженный взгляд на Сашку, чувствует, что что-то затевается. Сашка же поджимает губы и прячет книгу обратно в сумку; хмурая складка у него на лбу не предвещает ничего хорошего.

– Я хотя бы читаю, – едва слышно выдыхает он.

– Вот и гордись этим до пенсии, – огрызается она, а потом, на секунду задумавшись, ехидно добавляет: – А я лучше буду общаться с теми, кто не считает меня примитивной.

– И с кем же?

Она оборачивается и с прищуром глядит на Сашку, видит, что и в этот раз ее слова достигли цели – судя по его недовольной физиономии, он прекрасно понял намек. Но этого ей определенно мало, требуется подхлестнуть его, спровоцировать на очередной скандал. Да! Вот чего она хочет – еще одной ссоры, настоящей агонии, выплеска...

– А тебе-то какое дело? С кем хочу, с тем и общаюсь – ты мне не указ. Захочу – Васе позвоню, или Максиму. А захочу – в Питер к Паше съезжу. Ему со мной интересно, да и мне с ним тоже.

– Вон оно как... Опять небезызвестный Паша нарисовался. – Сашка вымученно трет переносицу. – Хочешь экспромт?

– Чего?

– Экспромт. Мастерства Пушкина или Есенина, конечно, не обещаю, но простенькую рифму выдать вполне смогу. На злободневную, кстати, тему: Паша-Маша-и-Саша.

– Нет, не хочу.

– Кем он, ты говорила, работает? Программистом, да? – не унимается Сашка. – В общем, слушай:

Машка спит, она устала,
Вот и я бухать не стал.
Свой тесак я наточу
И в тишь ночи закричу.

А потом нырну во мрак,
Где-то там сидит мудака.
Виски пьет и пишет сайт.
Буду я его кромсать...

– Не смешно, – отзывается она. – И вообще, сказала же, что не хочу этот бред слушать!
– Бред, бред... – Сашка отворачивается, немигающим взглядом смотрит на кружку с пивом.

Между тем она замечает, что он сжал кулаки с такой силой, что даже побелели костяшки пальцев. От него прям-таки веет злостью, которую он не иначе как всеми мыслимыми и немыслимыми способами пытается удержать в себе. И это побуждает ее к дальнейшим действиям; это даже слегка заводит ее. Ей страшно, но вместе с тем она не может противиться столь требовательному желанию – ей хочется, чтобы Сашка выпустил все это наружу. Ей хочется увидеть его истерику, его неистовство, его прорвавшийся гнев. Ощутить это на самой себе, обуздать это, а позже восторгаться своей властью над Сашкой, или же... даже больше – тут определенно есть что-то еще, что она чувствует, но чего пока не способна объяснить.

– Да, так, – произносит она.

– Ясненько, – выдыхает Сашка, скользнув рассеянным взглядом по настороженной Кире. – Страно, правда, что ты общаешься с теми, кого сама же называла чмошниками, лошарами и прочее в том же духе.

Он разжимает кулак и тянется к кружке с пивом.

– Ну, называла, и что? – сердито отмахивается она. – Мало ли что я там говорила! Да – они чмошники и лошары, но при этом они мои друзья. Хорошие люди, которым я доверяю. Не таскались бы еще за мной да не ныли о своей дурацкой любви, не были бы лошарами. Ты ведь тоже лошара...

– Маша! – одергивает ее явно встревоженная Кира.

– Лошара, значит? – Сашка косится в ее сторону, и в его взгляде отчаяние густо перемешано с лютой ненавистью. – Так вот какого ты обо мне мнения?

– Да, лошара.

– Маша, хватит! – пытается унять ее Кира.

– Был лошарой, лошарой и останешься, – постепенно утрачивая над собой контроль, шипит она. – Вот чего ты тут расселся? Вали уже отсюда, если ничего путного сказать не можешь. Нафиг ты нам тут сдался?

Она слегка толкает Сашку в плечо, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет, что уладить все миром уже вряд ли получится. Да и надо ли? Она настолько поглощена переменами в нем, что даже подумывает рассказать ему всю правду о Паше. Интересно, как Сашка отреагирует на это? Произведет ли должный фурор новость о том, что она далеко не единожды ездила к Паше в гости, и что связь их отнюдь не ограничивается «курортным романом» в Турции, о чем в свое время она, будучи пьяной в стельку, призналась Сашке. Но тогда Сашка еще был другим; тогда еще ему было плевать, – какое бы зло не дремало в недрах его существа, оно никак не реагировало на ее нетрезвые откровения. А вот теперь дело обстоит совершенно иначе...

Трель мобильного прерывает цепочку ее мыслей.

– Да, слушаю, – бормочет Сашка в трубку. – Приехал уже? Хорошо, скоро буду.

– Правильно, пошел вон, – вставляет она. – Катись-катись, лошара.

Сашка тяжело вздыхает, убирает телефон в сумку и тянется к кружке с пивом. Сделав пару жадных глотков, он рассеянно смотрит на Кирина салат, затем на официантку за стойкой, потом вдруг мягко улыбается:

– Допью и уйду, радость моя. Прибереги свой яд для кого-нибудь другого. Для Паши, например.

Она ошарашено глядит на него – неужто сорвался с крючка? Не-е, отступить она не намерена: так просто он от нее не отделается. Его показная выдержка? – да брехня все это! Ни в коем разе нельзя допустить, чтобы он просто встал и ушел. Иначе... иначе он победит?

Не придумав ничего лучше, она пытается выхватить кружку у него из рук.

– Пить он тут вздумал! – срывается она на крик. – Я сказала: пошел прочь! Я с подружкой поболтать хочу, а не на твою недовольную рожу смотреть! Ну же, давай, проваливай!

– Маша! – пытается урезонить ее пораженная Кира. – Успокойся, пожалуйста, сейчас он уйдет.

В этот момент Сашка пересекается с ней взглядом, и Кира видит, что его терпению настал конец. Кира ни разу еще не встречала таких людей, как Сашка: он интересен и непонятен ей, а вместе с тем она его слегка побаивается. Она не знает, чего ради он мирится со всеми Машиными выходками, – зачем? Так же она не способна объяснить нынешнее поведение Маши – девушки обычно скромной и тихой, пусть и не без какого-то inferнального огонька в глазах. Но единственное, в чем точно уверена Кира, что Сашка с Машей разные настолько, насколько только могут различаться два человека. И вот что за сила такая свела и до сих пор удерживает их вместе? Кире хочется назвать это любовью, но интуитивно она понимает, что любовь не имеет ничего общего с тем, что связало эту странную парочку.

– Так ты уходишь?

– Сказал же, допью и уйду.

– Ну уж нет! – Она вновь пытается отобрать кружку, но Сашка молниеносным движением перехватывает ее руки и отталкивает ее прочь – так сильно, что она едва не слетает со стула. Редкие посетители в кафе оборачиваются. Кира же чувствует, как учащается ее сердцебиение.

– Вот ведь сука!

– Рот свой поганый закрой, – велит Сашка.

– Да? Правда что ли? Ты, мля, никак мужика решил включить, а, тряпка?! Так может, пойдём, на улице все обсудим?

Не дождавшись ответа и стараясь не глядеть на Киру, перед которой ей вдруг становится несказанно стыдно, она разворачивается и быстрым шагом устремляется к выходу. Сашка же молча глядит ей вслед, и тени в его глазах не предвещают ничего хорошего.

– Не надо, – тихо просит Кира.

– Поздно уже.

Он неторопливо поднимается из-за стола и вразвалочку идет за Машей; кулаки его плотно сжаты...

Она дожидается его у входа, в месте, специально отведенном для курения; глаза ее полыхают гневом, а еще – как кажется Сашке, – в них сквозит какое-то извращенное, плохо скрываемое любопытство, необъяснимое предвкушение чего-то, что вот-вот должно произойти.

– Не можешь уладить конфликт, да? – спрашивает она, внимательно изучая его лицо.

Она видит, что то, чего она так хотела, вот-вот проявит себя – осталось совсем чуть-чуть, нужно еще слегка поднажать и... Ей страшно, а вместе с тем и интересно, во что все это выльется, чем обернется вырвавшаяся на свободу Сашкина злость.

– Не считаю нужным его улаживать, – рычит он, в то время как его кадык нервно ходит вверх-вниз.

– Да? Ну и иди тогда на хер, ублюдок! Я – сильнее.

Она делает шаг в Сашкину сторону и пренебрежительно толкает его в плечо...

Отзвуки сказанных ею слов едва успевают смолкнуть у нее в ушах, как левая рука его молниеносно взмывает вверх; проворным движением пальцы крепко-накрепко впиваются ей в горло. На мгновение жуткий спазм перекрывает приток кислорода, и она жадно пытается втянуть ртом воздух, но все бесполезно. В этот момент естественный ход времени словно бы искажается; подстегнутые адреналином, ее чувства обостряются до предела, и она видит все в мельчайших подробностях. Она видит, как он делает шаг вперед, словно маневр в каком-нибудь незамысловатом танце, и чувствует, как вес всего его тела вкладывается в это движение; вкладывается в руку, крепко стиснувшую ее хрупкую шею; вкладывается в конечный толчок. Она ощущает, как ее ноги на доли секунды отрываются от земли, а потом вспышка яркого света заливает мир вокруг; следом приходит жгучая боль в затылке. А еще – шлепок. Жуткий звук, коробящий самое ее сознание. Когда же интенсивность света спадает, она ошарашена, а вместе с тем и восхищенно смотрит прямо ему в глаза, и в них она наблюдает неустанно сменяющиеся образы, где один страшнее другого. Она видит сжатый кулак, замах и удар, затем еще один и еще – прямо ей по лицу, снова, снова и снова. Пока хруст ломаемого носового хряща не нарушит карканье воронья в парке; пока скрежет выбиваемых с корнем зубов не прервет болтовню посетителей в кафе; пока блеск кровавой слюны на подбородке не затмит четкую симметрию паутины в углу... И все это она запомнит. Одного мимолетного взгляда, брошенного ему через плечо, достаточно, чтобы обнаружить в паре метров поодаль двух застывших в ужасе, а при этом и зачарованных происходящим действием парней; они не в силах отвести глаз; они ничего не предпримут – так и будут стоять и глупо пялиться. Отблеском молнии на периферии сознания проносится мысль: а ведь никто ничего не предпримет, никто не вмешается, но многие постараются как можно скорее убраться прочь, – такова человеческая натура. Понимание, занозой засевшее в голове: пока все не кончится, никто не придет ей на помощь. Воображение же в его глазах невозмутимо плетет свой кошмарный узор дальше, и постепенно разворачивается следующая картина: его кулак разжимается и ладонь ныряет в карман – за ножом-бабочкой; незатейливое движение кистью и обнажается лезвие, – озорные лучи пляшут на хромированном металле. Между делом еще один фрагмент – костяшки его пальцев содраны до крови. Его левая рука по-прежнему с силой сжимает ей шею; вязкие капли ее крови у основания его большого пальца. И снова удар – в этот раз ножом, прямо ей в горло: чтобы ни одной больше гадости не сказала. Тягучая горячая струя брызжет из образовавшейся раны, и откуда-то доносится истеричный вопль. Но даже теперь никто не придет ей на помощь. Никто, никогда! Еще удар – в грудь, туда, где расположено сердце. Вот оно и разбилось, ха-ха... Сдавленный вздох: ее вялая попытка закричать оканчивается неудачей – лишь хрип, да алая пена со свистом пузырится на лопнувших от побоев губах. Кровь толчками выплескивается наружу; ее белая футболка уже вовсе не белая. Но и это еще не конец. Остался последний удар – насколько она способна понять, действие это больше символическое: своеобразное наказание за все, что она совершила. Шаг вперед, и остро заточенный металл вонзается ей чуть ниже живота, насквозь прошивает заполненный после выпитого пива мочевой пузырь, проходит сквозь эластичные слои брюшины и достигает полости матки. Ее лицо оказывается строго напротив его лица. И глядя ему прямо в глаза, будучи уже на последнем издыхании, она чувствует, как он несколько раз проворачивает лезвие внутри нее. Затем резко выдергивает, отпускает ее шею и делает шаг назад, невозмутимо следя за тем, как, неспособная больше стоять на ногах, безвольным мешком она сползает на землю...

Все это в доли секунды проносится перед его мысленным взором – поступки столь чарующие, столь долгожданные, столь пугающие и при том желанные, – сила, перед

которой она готова встать на колени, даже если это будет последнее, что она сделает в своей жизни.

Но вот уже она видит перемену в его глазах; видит, как холодная решимость в них сменяется паникой, шкурной дрожью от содеянного. И тогда все проходит, улетучивается, – ее восхищение умирает, остается лишь презрение, обида, ненависть... Перепуганный, этот трус поспешно отступает. Да, он едва не сорвался, но что с того? Да, он едва не утратил контроль, но какой в этом толк? Он... он... он...

Важно лишь то, чего хотела она!

13 октября 2013 года